

все еще остаются загадкой. При дальнейшем выяснении вопроса следует учитывать и такие факты, как: 1) наличие слова *зепь*, *зеп* «карман» в ряде финно-угорских языков, ср. мордов. (эрзянск. и мокшанск.) *зепе*, коми *зеп* «карман» и др.; 2) наличие слова *зепь*, *зеть* «карман» в некоторых русских условных языках (арго), расположенных также в северных областях (например, в «жгонском» языке костромских шерстобитов).

На стр. 44 говорится о развитии в слове *добре* «противоположного значения» в сопоставлении с семантикой прилагательного *добрый* и приводится пример-иллюстрация: «Все хлеба-то *добре* посколи» (Левитов). Нам кажется, что в таком контексте *добре* имеет наречное значение «очень, сильно». Об этом же сказано у Даля.

Рассматривая прозвищное имя *Булгак*, автор приводит объяснение слова *булгак*, данное А. М. Селищевым: «беспокойный, суматошный человек». Целе-

сообразно было бы усилить «статью» на *булгак* дополнительными примерами однокоренных слов, например, из словаря Даля: *булга* смб. склока, тревога, суета, беспокойство. *Булгачить*, *булгачить* твр., пен., влд. тревожить, беспокоить, будоражить, полошить, баламутить... *Булгатник* м. -ница, *булгатень* м. кто булгачит, суматошит».

Язык и стиль «Очерков» точный. Хорошо воспроизведены тексты памятников. Большую ценность представляет «Указатель», в котором приведено свыше 1800 слов, впервые извлеченных из памятников южновеликорусской письменности (большая часть слов подвергнута анализу в «Очерках»).

«Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков», несомненно, послужат образцом для исследователей истории словарного состава русского народного языка.

В. Д. Бондалетов

В. С. Перебийнис. Кількісні та якісні характеристики системи фонем сучасної української літературної мови. — Київ, «Наукова думка», 1970. 272 стр.

Монография В. И. Перебийнис «Колличественные и качественные характеристики системы фонем современного украинского литературного языка» — первое в украинистике и, пожалуй, единственное для славянских языков фундаментальное исследование фонологической системы, объединяющее парадигматический и синтагматический аспекты, системные и количественные характеристики и базирующееся на обширном словарном и текстовом материале. Автор не предлагает оригинальной фонологической концепции (что, впрочем, положительно), задача сводится к опробованию различных известных методов фонологического описания на исчерпывающем материале одного языка. Тем не менее, эта работа оказывается весьма значительной и в теоретическом отношении — не только благодаря тщательной теоретической и методической разработке отдельных частных вопросов украинской фонологии, но прежде всего благодаря объективному смыслу своих приемов и заключений.

В современной фонологии отчетливо прослеживается одна (но, разумеется, не единственная) примечательная линия, закономерно отсутствовавшая в трудах создателей этой дисциплины. Речь идет о все усиливающейся тенденции строить фонологические описания на обширном, по возможности — исчерпывающем, лексическом материале и формулировать выводы с учетом всех осо-

бенностей «фонологического узуса»¹. Классическая фонология не требовала большого материала. Она устанавливала логические отношения звуковых единиц (опозиции) на базе минимального числа диагностических фактов и не нуждалась в сплошном обследовании словаря или текстов. Однако уже следующий этап, когда выяснилась неодинаковая статистическая значимость и функциональная лексическая нагрузка логически равноправных элементов (фонем), потребовал введения понятий ядра и периферии² и привлек внимание к фонологической структуре словаря. В то же время без учета всего корпуса лексики оказалось невозможным разрабатывать вопросы фонологической синтагматики (сочетаемости фонологических единиц друг с другом, структуры слога, структуры слова), а распространение дистрибутивного метода установления инвентаря фонем означало введение лексического критерия также и в парадигматическую фонологию. И, наконец, новые задачи фонологического описания, связанные с исследова-

¹ В первую очередь см.: М. В. Панов, *Русская фонетика*, М., 1967; затем — J. V a c h e k, *Dynamika fonologického systému současné spisovné češtiny*, Praha, 1963. Кстати, подобная тенденция наблюдается и в морфологии.

² См.: «Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue», Prague, 1966 (TCLP, 2).

шем различного жанрового и стилистического функционирования фонологических единиц, не позволяют уже ограничиться словарем и требуют статистического анализа фонологических особенностей текстов.

Согласившись принципиально с новыми требованиями, предъявляемыми к современному фонологическому описанию, каждый исследователь остановится перед практической проблемой выбора «лексического источника» для своего описания. В сущности выбирать приходится между наиболее (или хотя бы — достаточно) полным словарем описываемого языка и статистически достаточной совокупностью текстов на данном языке. При этом очевидны преимущества и недостатки каждого источника. Словарь обеспечивает максимальный охват лексики, чего не может гарантировать никакая по величине и разнообразию выборка текстов. В то же время словарь не приводит косвенных словоформ, могущих с фонологической точки зрения существенно отличаться от исходных (словарных) словоформ (при том, что частота косвенных словоформ не уступает словарным), тогда как текст содержит такие формы. Можно, наконец, как это и делает В. И. Перебийнос, использовать одновременно оба источника, тем более что их сопоставление позволяет выдвинуть и разрешить еще одну важную задачу — определить соотношение ядерной, наиболее употребительной части лексики в ее наиболее распространенных формах, прежде всего отражаемых текстами, с периферийными лексическими элементами, которые фиксируются главным образом или исключительно словарем.

Однако нетрудно убедиться, что даже и такое сочетание источников не дает желаемой полноты материала. В самом деле, если обозримая выборка текстов не гарантирует употребления всех лексем, то она тем более не может обеспечить встречаемости всех словоформ каждого слова. Следовательно, ни один из источников, взятых в их непосредственном виде, ни даже их сочетание не могут удовлетворить в полной мере современного исследователя фонологической системы одного языка. Выход состоит, по-видимому, в том, чтобы с помощью некоторых элементарных операций устранить недостатки полного источника, т. е. словаря. Как известно, вообще подготовки словарей широко используются в самых разных целях: составляются, например, списки односложных, двусложных и т. д. слов, одноморфемных слов, списки слов по различным морфологическим или словообразовательным признакам, не говоря уже об обратных индексах. Для полного фонологического описания словарь должен быть развернут (разумеется, мысленно) таким образом, чтобы каждому слову соответствовал пол-

ный ряд его словоформ. Только такое развертывание может дать исчерпывающую картину функциональной нагрузки каждой фонемы и тем более — фонемных сочетаний. При учете «развернутого словаря» окажутся упущенными лишь некоторые, наиболее регулярные категории производных слов (например, с приставками *не-*, *наи-* и т. п. или уменьшительными суффиксами), часто не получающие отражения в словаре. Но, во-первых, такого рода случаи тоже нетрудно предусмотреть, а во-вторых, подобные упущения несравнимы с теми, которые неизбежно возникнут при обращении к одним лишь текстам или к неразвернутому словарю. Не менее важно и то, что ориентация на развернутый словарь освобождает от влияния таких внефонологических факторов, как частота слов, и вообще снимает проблему фонологической однородности, столь существенную при статистическом анализе текстов.

Не пытаясь здесь решить окончательно вопрос об оптимальном источнике (источниках) для полного фонологического описания, подчеркнем лишь совершенно очевидную необходимость в любом случае сознательно контролировать то, в какой степени и какие именно логические выводы и количественные результаты исследования обусловлены характером выбранного материала.

Сознательный подход к выбору и оценке источников составляет, на наш взгляд, важную отличительную особенность монографии В. И. Перебийнос. В качестве источников избраны: 1) «Українсько-російський словник» под ред. В. С. Ильина, Київ, 1964 (около 64 тыс. реестровых слов), 2) список одноморфемных словоформ протяженностью от одного до шести звуков, составленный на основе этого словаря и насчитывающий 4069 единиц (18 193 звука), 3) тексты общим объемом 300 тыс. фонемуупотреблений. При решении конкретных вопросов украинской фонологии автор разумно ставит выбор источника в зависимость от непосредственной цели. Так, вопросы парадигматики (состав фонем и их системные отношения) решаются на основе самого ограниченного из используемых в работе источников — списка одноморфемных словоформ, тогда как синтагматический анализ (сочетаемость фонем друг с другом, инвентарь сочетаний разной длины) базируется на всех трех источниках, причем каждый из них исследуется независимо от других, а затем результаты сопоставляются. Если учесть, что словарь использовался в его непосредственном, т. е. неразвернутом виде, то различия между показаниями словаря и текстов легко могут быть интерпретированы в связи с упомянутыми выше особенностями этих двух источников. Более того, принадлежность только к одному из них или одновременно к обоим может служить формальным кри-

терием отнесения того или иного явления к ядру или периферии. Значительно труднее с фонологической точки зрения истолковать характеристики, присущие одноморфемным словоформам и отличающие их от показателей, полученных при анализе словаря и текстов. Строго говоря, оправданием для выделения этой категории фактов (одноморфемных словоформ) может быть лишь стремление ограничить влияние морфологических значимых позиций, широко представленных как в словаре, так и в тексте (морфемные границы, принадлежность к служебным морфемам, отличающимся заметной монотонностью фонемного состава, и т. п.). И все же остается неясным, в какой мере расхождения между одноморфемным списком и, например, словарем можно отнести исключительно за счет морфологии, — ведь не могут не сказываться здесь и такие различия, как существенно меньший объем первого источника и наличие во втором большого числа самостоятельно не употребительных корневых морфем.

Таким образом, речь идет о том, что выбор корпуса одноморфемных словоформ, словаря и совокупности текстов как независимых, самостоятельных объектов фонологического исследования в книге В. И. Перебийнос не вполне убедительно обоснован: с одной стороны, эти три массива фактов не являются достаточными для решения поставленных задач (в частности, отграничения морфологически обусловленных явлений или учета всех синтагматических возможностей комбинирования фонем во всех реально существующих словоформах), с другой стороны, ни один из них нельзя признать абсолютно необходимым.

Этот недостаток тем не менее не влияет на объективную ценность результатов исследования, поскольку каждое заключение, сделанное его автором, строго соответствует совершенно определенному разряду фактов и в принципе может быть проверено самим читателем. Столь же эксплицитны и основанные на анализе фактического материала теоретические рассуждения, обобщения количественных данных и общемонологические выводы, лишенные категоричности и в большинстве случаев предусматривающие все возможные трактовки обсуждаемого явления с подробной оценкой каждой из них.

Стремление к объективности выводов, отрицание произвольных и противоречащих фактам решений обусловило внутренний замысел книги — поиск количественных (как наиболее объективных) характеристик фонологической системы украинского литературного языка и возможностей их фонологической интерпретации, так же как и обратное — проверку и подтверждение основных добытых логическим путем фонологических

характеристик количественным анализом сплошного лексического материала.

Книга содержит пять основных разделов, посвященных: 1) установлению системы фонем современного украинского литературного языка, 2) описанию системы фонем в терминах дифференциальных признаков, 3) комбинаторным свойствам фонем, 4) некоторым вопросам фонемной структуры слова, 5) анализу минимальных пар. Каждому разделу предпосылается теоретическое введение, включающее также и обоснование примененной автором методики исследования. Чрезвычайно ценный фактический материал содержится в тринадцати приложениях: 1) знаки фонетической транскрипции, используемые в работе, 2) сочетания двух согласных в разных позициях в слове, 3) трехфонемные сочетания согласных в разных позициях в слове, 4) частота четырехфонемных сочетаний, 5) парные сочетания фонем в позициях 1 + 2 и 2 + 3 трехфонемного сочетания согласных, 6) попарная сочетаемость согласных в четырехфонемных сочетаниях, 7) попарная сочетаемость согласных в разных позициях пятифонемных сочетаний, 8) место ударения в трехсложных словах, 9) минимальные пары, образованные двухфонемными словоформами, 10) минимальные пары, образованные трехфонемными словоформами (противопоставления по первой, второй и третьей фонеме), 11) минимальные пары, образованные четырехфонемными словоформами (противопоставления по первой, второй, третьей, четвертой фонеме), 12) минимальные пары, образованные пятифонемными словоформами, 13) минимальные пары, образованные шестифонемными одноморфемными словоформами. Приложения 2—8 включают полный материал по каждому из трех источников — инвентарю одноморфемных словоформ, словарю и текстам.

В теоретическом отношении наиболее существенными для всего последующего изложения являются первые два раздела, посвященные парадигматической характеристике фонем украинского языка. Следуя и здесь своему принципу максимальной объективности, В. И. Перебийнос из всех известных фонологических концепций и диктуемых ими процедур фонологического анализа выбирает те, которые ей кажутся наименее субъективными и наиболее контролируемые фактическим материалом. Для установления инвентаря фонем используется дистрибутивный метод в сочетании с операторным методом отождествления фонем на парадигматической оси, предложенным С. К. Шаумяном. Поскольку автор интересуется не только абсолютный фонологический статус каждой звуковой единицы украинского языка (фонема — не фонема), но и их соотносительная функциональная значимость, в исследовании предлагается

усложненная процедура независимого анализа пяти лексических массивов — одноморфемных словоформ длиной в два, три, четыре, пять и шесть звуков, для каждого из которых отдельно устанавливается инвентарь фонем. Затем на основании сопоставления этих результатов, а также статистического анализа встречаемости фонем в речи делается заключение о принадлежности фонемы к ядру или к периферии фонологической системы украинского языка. Таким образом, в работе В. И. Перебийнос впервые успешно применены формальные критерии для определения ядра и периферии, подтвердившие объективную ценность этих понятий и продуктивность использования их в фонологии.

В книге подробно разработан вопрос о характеристике системных отношений фонем через их дифференциальные признаки. Метод парадигматической идентификации фонем по их ДП, заимствованный из работ Р. Якобсона, Г. Фанта и М. Халле, применяется здесь к украинскому языку в существенно измененном виде, скорее как логическая схема, тем более что автор не может опереться на акустический анализ украинских звуков и потому исходит из их артикуляторных признаков. Для описания украинской фонологической системы потребовалось 12 из 13 универсальных бинарных противопоставлений (не используется абруптивность — неабруптивность): 1) вокальность — невокальность, 2) консонантность — неконсонантность, 3) компактность — некомпактность, 4) диффузность — недиффузность, 5) низкая тональность — высокая тональность, 6) бемольная тональность — простая тональность, 7) дизная тональность — простая тональность, 8) назальность — неназальность, 9) прерывность — непрерывность, 11) резкость — нерезкость, 12) звонкость — незвонкость, 13) напряженность — ненапряженность. Каждая фонема характеризуется по тому, какие значения этих ДП выбираются для ее идентификации. В зависимости от этого определяется и степень близости каждой фонемы к каждой другой фонеме в системе, а этот показатель (фонологическое расстояние) в свою очередь служит формальным критерием для распределения фонем по классам: гласные, сонорные, звонкие, глухие. Соотношение этих классов таково, что наибольшей близостью к другим классам отличаются сонорные, занимающие центральное положение в многомерном фонологическом пространстве, тогда как остальные три класса образуют периферийные области этого пространства.

Этим по существу исчерпывается парадигматический раздел. Отсутствие таких традиционно включаемых в область парадигматики (хотя бы и иначе формулируемых) вопросов, как структура позиционных подсистем и объем фонологиче-

ских противопоставлений в разных позиционных подсистемах, вопросы нейтрализации фонологических противопоставлений и т. п., не является случайным и объясняется, как кажется, исходной концепцией, в соответствии с которой, по видимому, постановка этих проблем (в частности и прежде всего — нейтрализации) правомерна лишь за пределами фонологии, в рамках морфофонологического анализа автоматических (позиционно обусловленных) чередований, поскольку она требует привлечения явно экстрафонологического критерия тождественности морфов.

Самым обширным по объему и самым детальным по разработке является безусловно раздел, посвященный сочетаемости фонем на синтагматической оси. Здесь впервые систематически и на исчерпывающем материале рассмотрены допустимые в украинском языке двух-, трех- и т. д. — фонемные сочетания в разных позициях в слове (начало, середина, конец слова), сформулированы правила комбинирования фонем друг с другом, вычислены и содержательно интерпретированы количественные характеристики, отражающие особенности структуры и функционирования фонемных комбинаций в украинском языке.

При сегодняшнем состоянии синтагматической фонологии для большинства славянских языков установление исчерпывающих инвентарей допустимых в них фонемных сочетаний разной длины в разных позициях слова все еще остается главной задачей. Исследование В. И. Перебийнос решает в целом эту задачу для украинского языка, хотя, как уже говорилось, характер использованных в нем источников не гарантирует абсолютной полноты фактов (в частности, нет уверенности в том, что учтены все консонантные исходы и интервокальные группы, характерные для косвенных словоформ украинского языка, поскольку они не фиксируются словарем и явно не могут быть полностью отражены в обследованных текстах). Несмотря на вероятную неполноту, материал рецензируемой книги вполне достаточен для того, чтобы судить о главных синтагматических чертах украинской фонологической системы. Выводы, к которым приходит автор на основании тщательного количественного анализа фонемной сочетаемости, подтверждают универсальный характер большинства явлений украинской синтагматики. Подтверждаются прежде всего основные факторы, влияющие на комбинаторные свойства фонем, — длина последовательности и позиция ее в слове. Минимальной единицей сочетаемости следует считать двухфонемную группу, сохраняющую свои особенности (предпочтительный порядок следования фонем, степень сцепления с гласной и т. п.) в составе более протяженных последователь-

ностей. Различия в структуре маргинальных (начальных и конечных) и срединных сочетаний определяются в значительной степени не фонологическими, а морфологическими обстоятельствами, тогда как специфика начальных групп по отношению к конечным в большей мере допускает фонологическое объяснение. Весьма показательны в связи с этим, что априорное предствление о зеркальном отношении между начальными и конечными консонантными группами подтверждается в украинском языке (причем не абсолютно, а вероятно) только для двух-элементных групп. Количественный анализ фонемных сочетаний позволил автору сделать также ряд интересных наблюдений над зависимостью синтагматических свойств фонем от их парадигматических характеристик: на синтагматическом уровне отчетливо прослеживается различие между тремя парадигматическими классами согласных (сонорные, звонкие, глухие), между согласными, принадлежащими к основному (ядерному) и периферийному инвентарю; ряд запретов и ограничений в области фонемной сочетаемости прямо связан со значением различных ДП фонем. В то же время оказалось, что фонологическое состояние, измеряемое числом общих и различных значений ДП, в общем не играет существенной роли в комбинировании фонем.

Следует специально остановиться на способах содержательной, фонологической интерпретации количественных показателей фонемной сочетаемости, которыми оперируют подобные исследования. Обычно используются следующие показатели: 1) отношение к теоретически возможному числу сочетаний данного типа (степень заполненности матрицы), например, числа реально засвидетельствованных сочетаний типа «гласная + гласная» к теоретически допустимому числу таких сочетаний; 2) лексическая мощность каждого допустимого сочетания (число слов или морфем, включающих это сочетание) или типа сочетания; 3) частота отдельного сочетания или типа сочетаний в тексте. На основании этих трех критериев делается заключение о большей или меньшей фонологической значимости, характерности или «правильности» конкретных сочетаний фонем в языке, причем предпочтение отдается сочетаниям (типам), которые в наибольшей степени реализуют имеющиеся возможности, отличаются наибольшей лексической мощностью и самой высокой частотой в тексте. Трудность, однако, состоит в том, что показатели этих трех видов, характеризующие одно и то же сочетание (тип), не всегда согласуются друг с другом. Так, сочетания типа «гласная + гласная» в украинском языке максимально реализуют теоретические возможности, тогда как в словаре особенно в тексте они обнаруживают

весьма низкую частоту. Вопрос о том, какому показателю в подобных случаях приписать больший вес, требует, по-видимому, дополнительной разработки. Казалось бы, наименьшее значение следует придавать третьему показателю, на который влечет преимущественно частота слов, а не фонологически существенные факторы. В то же время несомненно, что фонологически и лексически маломощная, относительно редкая комбинация, многократно воспроизводимая в составе какого-либо высокочастотного слова, способна в большей мере влиять на формирование фонологической «нормы», чем фонологически привычная, лексически репрезентативная, но редко употребляемая комбинация. Обстоятельный анализ украинских фактов с этой точки зрения в книге В. И. Перебийнос позволяет детальнее и глубже поставить проблему «фонологической правильности» и отграничения нефонологических факторов, с которыми неизбежно сталкивается фонолог при обращении к материалу любого языка. По всей вероятности, здесь нельзя будет ограничиться одними лишь количественными критериями, но и количественный подход, как показывает анализ украинского материала, весьма перспективен.

Два последних раздела монографии носят достаточно автономный характер и демонстрируют возможности количественного анализа при решении частных вопросов фонологического описания. Глава, посвященная фонемной и просодической структуре одноморфемных словоформ, частично восполняет тот пробел, который обычно создается в фонологических описаниях отсутствием сведений о фонологической структуре единиц высших уровней. Корпус одноморфемных словоформ, уже использованный в предыдущих разделах как один из описываемых массивов, оказался удачным объектом, позволившим сделать интересные выводы, касающиеся одновременно структуры слога (так как подавляющее большинство самостоятельно функционирующих слогов входит в этот массив), фонемной и слоговой структуры морфемы (с тем лишь уточнением, что речь идет только об изолированно употребляемых морфемах) и — в меньшей степени — структуры слова (только частный случай — слова, кратчайшие в отношении морфемного и слогового состава). Очень ценны и заслуживают дальнейшего распространения наблюдения над местом удараения в украинском слове.

Заключительный раздел «Анализ минимальных пар» содержит любопытный материал, показывающий смысловозначительную способность фонем в последовательностях разной длины, возможности каждой фонемной позиции в слове противопоставлять фонемы друг другу и, наконец, различную способность разных

фонологических оппозиций занимать то или иное положение в слове. Этот небольшой этюд, отличающийся изяществом и тонкостью наблюдений, вместе с тем воспринимается как фрагмент, недостаточно органический в монографии, строго подчиненной единому замыслу и методу.

В настоящее время, по-видимому, трудно оценить во всем объеме перспективы подхода и метода, примененного В. И. ПЕРЕБЕЙНОС к фонологии украинского

языка. Очевидно во всяком случае то, что эта монография — не только надежный источник обширных сведений по парадигматике и синтагматике украинской фонологической системы, но и первое успешное воплощение идеи фонологического описания, целиком ориентирующегося на количественные характеристики и их содержательную интерпретацию.

С. М. Толстая

«Symposion über Syntax der uralischen Sprachen». Im Auftrage der Akademie in Göttingen herausgegeben von W. Schlachter.—Göttingen, 1970. 232 стр. («Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen». Philolog.-hist. Kl., III. Folge, № 76)

В рецензируемой книге опубликованы материалы симпозиума по синтаксису уральских (финно-угорских и самодийских) языков, происходившего под руководством проф. В. Шляхтера в июне 1969 г. в Гёттингене. В симпозиуме приняли участие более двадцати известных лингвистов — специалистов по уральским языкам: 17 человек выступали с докладами; кроме того, каждый из докладчиков дважды выступал с содокладом; в прениях принимали активное участие многие участники симпозиума.

Бросается в глаза исключительно четкая организация и проведение работы симпозиума: хорошо подобрана тематика докладов, каждый доклад сопровождался двумя содокладами и заканчивался краткой дискуссией по обсуждаемой синтаксической проблеме. В рецензируемой книге опубликованы все 17 докладов, 34 содоклада, а также дано краткое содержание пятидесяти с лишним выступлений в прениях.

А. Алхониеми (Турку, Финляндия) осветил вопрос о функциях весьма многозначного падежа, отвечающего на вопрос «куда?», в марийском языке. Й. Балас (Будапешт — Рим) в докладе «К образованию древнейших уральских синтагматических сочетаний» проводил мысль о том, что при образовании подобных сочетаний важную роль играли местоименные элементы (указательные слова). Эти местоимения могли стоять не только перед определяемым словом, но и после него; например: фин. *se, poika* «тот (именно) мальчик»; *poika, se* «мальчик, (именно) он тот». В таких сочетаниях местоименные элементы еще имели на себе ударение; когда же в сочетании *se, poika* ударение передвинулось на главный член, то местоимение превратилось в артикль, как, например, в венг. *a fiú* «тот мальчик» > «мальчик (известный)»; в сочетании *ház te* «дом ты» > *házad* «твой дом» местоимение стало зависимым

членом, потеряло ударение и превратилось в аффикс. Интересна судьба вопросительных местоимений и наречий — они образованы из двух указательных слов: эст. *kesse* «кто», *misse* «что» < **ke-se* «кто» и «это», **mi-se* «что» и «это», селькуп. *kut* «кто?» < **ka-ta* «кто» и «это» и т. д.

Л. Бенке (Будапешт, Венгрия) в докладе «К вопросу об уральском имени-глаголе (Nomenverba) в свете истории венгерского языка» заметил, что в современных языках имя и глагол, имеющие одинаковую корневую морфему, как правило, дифференцированы синтаксически, морфологически и семантически. По мере продвижения в глубь истории языка различия между этими частями речи постепенно уменьшается и в конечном счете совсем исчезает. В этом случае можно говорить об имени-глаголе (Nomenverbum), об амбивалентных корневых морфемах типа совр. венг. *nyom* «след; колея» и «жать; давить». В современном венгерском языке созвучных пар слов такого типа насчитывается свыше 200, но при рассмотрении данной проблемы значительную часть из них можно использовать только условно, поскольку они существенно отошли от первоначального вида.

Д. Дечи (Гамбург, ФРГ) в докладе «Глаголы существования (Existenzverb) в предикативных конструкциях селькупского языка» дал структурный анализ разных видов составного сказуемого, содержащих вспомогательный глагол «быть».

Г. Ганшов (Мюнхен, ФРГ) в докладе «Методы описания структуры простого предложения хантыйского языка» предложил новую модель для описания структуры простого предложения хантыйского языка; эта модель пригодна также при изучении синтаксиса других уральских языков.

Й. Гуя (Будапешт) в докладе «Актив, эргатив и пассив в ваховском